

LA RÉALITÉ DAGHESTANIENNE DÉCRITE PAR LE CONSUL FRANÇAIS, CHEVALIER GAMBA PENDANT SON VOYAGE À TRAVERS CAUCASE (D'APRÈS «VOYAGE DANS LA RUSSIE MÉRIDIONALE ET PARTICULIÈREMENT DANS LES PROVINCES SITUÉES AU DELA DU CAUCASE, FAIT DEPUIS 1820 JUSQU'EN 1824»)¹

Abstract: *The article presents the perspective of a French consul, knight of Gamba, on the 19th century Dagestani reality perceived during his travels through Caucasia.*

Keywords: *Dagestan, travel literature, Dagestani traditions.*

В наше время все больше возрастает интерес к истории, культуре и языку родного народа. В познании нашего прошлого нам помогают не только предания старины, письменные и устные источники и документы, но и произведения зарубежных авторов. Большую роль в этом познании сыграли дорожные записи, очерки и дневники путешественников, получившие во французском литературоведении название жанра «вояжной» литературы или жанра «путешествий» (http://www.golosasibiri.narod.ru/almanah/vyp_6/062_012_mad.html). В свое время жанр путешествий был доступным и довольно популярным источником информации о жизни далеких народов Кавказа, и в частности Дагестана. Французы многое узнавали о жизни других стран и народов именно из этой литературы.

Классический «вояжный» жанр устной и письменной литератур, как отмечает Казбекова З. возможно, один из самых эффективных механизмов межкультурного диалога, представляет собой ту определенную форму познания мира, характерной чертой которой является географический, этнографический, исторический, культурный и художественный синтез (Казбекова, 1994:10).

Одно из самых ранних французских произведений, написанном в жанре «вояжной» литературы о Дагестане, принадлежит Гийому де Рубруку (около 1215 – около 1270), францисканскому монаху, родом из селения Рубрук близ г. С.-Омер, в нынешней северной Франции. В 1253-1255 гг. он был послан французским королем Людовиком IX в Монголию с миссией к монгольскому хану Мангу.

Ярчайшим представителем «вояжной» литературы XIX века был Жак Франсуа Гамба (1763-1833), французский консул в Тифлисе, кавалер, путешественник по России и писатель, автор двухтомного труда, озаглавленного «Путешествие в южную Россию и в особенности Закавказские провинции, совершенное с 1820 по 1824 гг.», изданного на французском языке в 1826 г. в Париже.

Целью данной статьи является анализ произведения консула Гамба с точки зрения описания дагестанских реалий во французской «вояжной» литературе. В статье предпринята попытка интерпретации этих реалий, характерных для Дагестана XIX века и воспринимаемых европейским путешественником, в соответствии с окружающей действительностью.

¹ Golnaz Iran-Pour-Zeinalova, Université d'Etat du Daghestan, Russia, nazik2000@inbox.ru.

Гамба проехал почти по всей территории Дагестана от Дербента до Кизляра, пересек реку Самур, посетил селения Зиякур (Цахур), Куляр (Куллар), Берекей, Кайают (Кайякент), Бузнак (Бойнак, ныне Уллубий-аул), Манас, Андрей-аул (Эндирей-аул), Казиурт (возможно Кизилюрт), Анжиурт (Махачкала), останавливался в гостях у шамхалаТарков. (Шамхал или шавкал, шаухал – титул верховных кумыкских правителей Дагестана с VIII века по 1867 год). (<http://ru.wikipedia.org/wiki/Шамхал>).

Его сведения отличаются большой точностью. Так, остановившись всего лишь на день в селении Зиякур, он отмечает точную численность его жителей - восемьсот человек, а также то, что женщины этого селения очень красивы. «*Leurs femmes jouissent d'une grande réputation de beauté*» (Gamba, 1826: 332).

На протяжении всего его пути мы как будто видим нарисованные им живописные пейзажи: равнины, долины и горы, крутые спуски и горные потоки. Он замечает, что, несмотря на красоту природы, климат в здешних местах нездоровый и что от этого умирает много казаков, которые несут здесь службу. Он упоминает также реку под названием Замур (Самур). «*Le plus rapide, le plus large et le plus dangereux des torrents qu'on est forcé de traverser, est le Zamour qui se jette dans la mer Caspienne*» (р. 332).

Гамба очень подробно останавливается на описании Дербента. Сначала он дает нам сведения о его местоположении: это город у Каспийского моря расположенный амфитеатром и крепость, находящаяся на горе. Затем он переходит к рассказу об истории города, основание которого приписывается Александру Македонскому, о том кто владел городом и заканчивает тем, что в настоящее время он составляет часть Российской империи. Он восхищен красотой увиденного. «*Sans chercher à combattre une opinion que dans toute l'Asie, la vanité a pu déterminer, et qui n'est, je pense, appuyée d'aucune autorité, je me bornerai à dire qu'il suffit de voir l'ensemble imposant de cette ville, les tours, les murs, la solidité de leur construction pour rester convaincu, non seulement qu'elle appartient à une très haute antiquité, mais encore qu'elle a dû être fondée et agrandie par des monarques puissants*» (р. 335).

Относительно происхождения древнего города Дербента существуют различные версии. Одной из них является легенда о том, что Дербент был построен Александром Македонским, другая приписывает его происхождение шаху Лехрасибу из династии Каянидов - современнику библейского царя Соломона. Бурное изображение народа приписывало его происхождение то черту, то великанам, то фантастическому народу (<http://www.bibliotekar.ru/100zamkov/9.htm>). Описание Дербента у Гамба отличается точностью, хотя будучи в Дербенте он страдал от лихорадки и не смог как следует осмотреть город и его окрестности. Он обращает внимание также на сельское хозяйство Дагестана, отмечая, что в окрестностях Дербента выращивают шафран, дикую марену.

В Дербенте Гамба останавливается у персидского принца, который был на службе у России. Гамба описывает его дом, состоящий из двух этажей. Первый этаж предназначен для прислуги, там располагаются также кухни и конюшни. В глубине квадратного двора расположен дом хозяина, который занимает второй этаж. Именно этот дом и предоставил в распоряжение Гамба гостеприимный хозяин, а также распорядился принести провизию и поленья для топки, которые приходилось ставить вертикально в камине, из-за того что каминны были очень узкие. Но такое положение бревен обеспечивало большее тепло. Гамба отмечает контраст между внутренним убранством дома и внешней постройкой. Так он подчеркивает, что интерьер

квартиры был подобран заботливо и со вкусом, но дагестанцы еще незнакомы с употреблением окон, стекол и засовов, что говорит о некоторой отдаленности Дагестана от цивилизации. Вместе с тем это показывает, что Гамба был не слишком осведомлен о традициях горцев. Так, свое жилище они расценивают как крепость, они в нем защищены и, следовательно, не нуждаются в засовах.

Его пребывание в Дербенте совпадает с празднованием годовщины смерти Хусейна, второго сына Али и Фатимы, внука Мухаммеда. Шииты считают Хусейна великомучеником и почитают как третьего (после Али и его старшего сына Хасана) имама. Памяти его трагической гибели посвящен траурный обычай шахсей-вахсей, свидетелем которого как раз и был Гамба (http://ru.wikipedia.org/wiki/Хусейн_ибн_Али). Интересно его замечание о том, что все это сопровождалось невероятным шумом, и автор получил представление о темпераменте мусульман Дербента.

Он снова дает точное число жителей - шесть или семь тысяч душ и распределяет их по национальному признаку.

При выезде из Дербента Гамба сопровождал эскорт из ста человек казаков, у него были также рекомендательные письма к князьям Татарии (Кумыкии), этого было вполне достаточно, чтобы обеспечить спокойную дорогу. Тем не менее, он беспокоится, что путь может быть беспокойным. Так, он приводит в пример двух армян, которые за три недели до его приезда в Дагестан пересекали небольшой поток, находящийся недалеко от Зиякура, и были увезены лезгинами.

Перед отъездом его навещает Жоак-Бей, брат Амиранза, повелителя Берекея и приглашает в Берекей, который находится в пятнадцати верстах от крепости. В Берекее, как и в Дербенте, их ждал гостеприимный прием, удобное жилье и вкусная еда. « Le prince, prévenu de notre arrivée, nous avait préparé un logement commode dans une des plus grandes maisons de la bourgade. Nos deux chambres étaient éclairées avec luxe; un grand feu brûlait dans la cheminée; cinq ou six Tartares étaient désignés pour nous servir » (Gamba, 1826: 342). Мы узнаем о национальных блюдах Кавказа: плов с курятиной и бараниной, о том, что кавказцы употребляют в пищу много фруктов. Щедрость хозяина простерлась дальше, гостям также дали несколько баранов, которых они могли увести с собой. Кроме того по восточному обычаю хозяин с большим числом татарских воинов сопровождал их до Кайаюта, находящегося в 30 верстах от Берекея. Кайаут – большое селение, в отличие от Берекея, его жители производят ковры.

Следующая остановка была в селении Бузинак, где опять, как отмечает Гамба, глава селения оказал им внимание. « Bousinac est un beau village dont le chef eut pour nous les plus grandes attentions: il pourvut abondamment à tous nos besoins et à ceux de la caravane » (р. 345). Несколько татар (общее название кумыков и других тюркоязычных народов) прислуживали им, отказавшись принять даже малейшее вознаграждение. По замечанию Гамба, с таким бескорытием на Кавказе он встречается не впервые.

Когда Гамба с эскортом был недалеко от деревни Манас, ему нанес визит один татарский господин в сопровождении приблизительно тридцати всадников, приехавший, чтобы поприветствовать французского кавалера от лица шамхала Тарку и выразить сожаление, что тот не может лично его встретить, так как находится вдали от своей столицы. Гамба был польщен таким знаком внимания со стороны горцев Дагестана. Шамхал послал навстречу консулу своих двух малолетних

сыновей в сопровождении их гувернера и эскорта. Это честь, которой удостоивается важный гость на Кавказе.

Примечательно описание встречи с юными князьями. Гамба был поражен и восхищен тем, как мальчики десяти и двенадцати лет держались в седле. «*Ils étaient montés sur des étalons extrêmement beaux et vifs, qu'ils conduisaient avec tant d'assurance et d'adresse que s'ils avaient été les hommes faits*» (p. 348).

Для него горец – это мужчина смелый, легко управляющийся с лошастью, который с шести-семилетнего возраста в седле, и великолепно владеющий джигитовкой. Он как бы становится единым целым с лошастью. Гамба называет Кавказ «страной кентавров». «*C'est là vraiment le pays des Centaures*» (p. 349).

В этой местности с ранних лет прививают также уважение к взрослым и к гостям. Так, юные князья поспешили засвидетельствовать свое почтение и удовольствие видеть его на их земле.

В предназначенный для них дом их проводили не только два юных князя с гувернером, но также все сопровождающие их благородные татары. Их комнаты отличались наличием предметов люкса, изобилием ковров и подушек, что говорит о хорошем материальном положении хозяина. Гамба также поражен изобилием принесенной еды: «*Peu d'instant après on nous a apporté quatre immenses plateaux chargés de galettes d'une pâte très blanche et de gâteaux de diverses espèces: une pillau d'une dimension extraordinaire, des sorbets et de très-beaux fruits achevaient de couvrir les plateaux qu'on posa par terre*» (p. 350-351). Еду кладут прямо на пол, следовательно, в комнате отсутствуют столы, обстоятельство, которое можно расценить и как отдаленность от цивилизации и как национальную особенность. Путешественник и сопровождающие его были приглашены в дом шамхала на обед. Гамба продолжает удивляться щедрости горцев. Так, он польщен, что также весь караван был в изобилии снабжен провизией. «*On fournit gratuitement et avec profusion à la caravane les vivres et les approvisionnements qui lui étaient nécessaires*» (p. 351).

Как и в случае со всеми остальными селениями, Гамба дает очень точное описание Тарку, а также его историю. Город расположен амфитеатром, в основании которого полуэллипс, горы создают стороны. Он возвышается над Каспийским морем и защищен от ветров, кроме тех, что дуют с моря. В городе две тысячи домов и двенадцать тысяч жителей. Почти все население составляют татары (кумыки), также есть лезгины (общепризнанное название всех горцев Дагестана) и армяне. Татары носят черкесский костюм, у князей он украшен серебром и они носят сабли в форме креста. Гамба объясняет это тем, что этот знак остался еще со времен крестовых походов и что в Дагестане встречается много оружия той эпохи.

Очень подробно дано описание обеда в доме шамхала. Как и прежде, Гамба отличается большой точностью. Как принято на Кавказе, за гостями прибыли сами хозяева в лице юных князей и их сопровождающих. Они проводили гостей до дома шамхала, расположенного на вершине. Дорога туда крутая, улицы узкие и извилистые. Автор отмечает, что почти все дома по пути их следования окружены садами, а вода, снабжающая Тарку, спускается каскадом до нижнего города. Повсюду они встречали татар, которые выходили из своих домов, чтобы посмотреть, как проезжает кавалькада. Среди них не было женщин, которые по обычаю сидели дома и тайком пытались посмотреть на чужеземцев.

Апартаменты, в которые их провели, были большим залом, в глубине которого был очаг. Гамба неспроста останавливается на описании очага. Он считает его лишь одним из защитных средств от лихорадки, которая очень изнурительна в

этой местности. На самом деле очаг – основополагающее понятие в жизни горца. Это средоточие жизни, вокруг которого выстраивается все остальное. Не случайно самым страшным проклятием у горцев было выражение: «Да потухнет твой очаг» (<http://www.liveinternet.ru/community/2411424/post77079751/>). Несмотря на то, что они находились в богатом доме, здесь тоже не знакомы со стеклами, а закрывают окна ставнями. Но вместе с тем горцы очень любознательные люди, так как во время обеда они очень живо интересовались Францией. « Notre interprète Arménien qui parlait bien le tartare était devenu ce-jour-là un personnage important: il était accablé des questions de toutes sortes » (Gamba, 1826: 354).

Описание самого обеда дано с мельчайшими подробностями. Сначала постелили на пол ковры и прямо на пол поставили огромные блюда с пловом и мясом. Хозяева проявили уважение к гостям и предназначенные для них кушанья поставили на стол, а не на пол, перед столом поставили скамеечки, чтобы они не сидели на полу. К тому же их снабдили серебряными столовыми приборами, в то время как за двумя другими столами обходились без них. Горцы ели плов руками с большой сноровкой. Это еще одна из традиций принятых в то время на Кавказе. « Lorsque nous fûmes assis à la notre chaque Tartare s'accroupit à celle qui lui était destinée: ils mangeaient le pillau et les viandes avec leurs doigts prenant le riz avec le creux de la main » (p. 355). Автор указывает также на соблюдение иерархии: за вторым столом сидели юные князья, их гувернер и мулла (мусульманский священник), за другим все остальные благородные татары. После обеда слуги принесли чаши, наполненные водой для мытья рук. Этот обычай автору кажется просто необходимым при такой манере принимать пищу. Изобилие блюд было таким, что после того как они покинули залу, на блюдах оставалось столько еды, что можно было накормить остальных татар рангом ниже, а также и слуг.

Примечателен еще один обычай, замеченный Гамба: на обеде не присутствовали женщины. Так, княгиня, по обычаю, не смогла его принять, ему только показали передний двор той части дома, которую занимали княгиня и другие жены шамхала. В этой связи кажется необычным визит к автору двух женщин, матери и дочери, одна из которых была незамужем. Они пришли просить его посодействовать в пользу сына и брата, который оскорбил шамхала. Преступление юноши было недопустимо в этих местах: он соблазнил одну из женщин княгини. Гамба написал письмо шамхалу с просьбой о помиловании юноши и его уверили, что шамхал не откажет ему в милости. Это еще один знак уважения к гостю, свойственный горцам на Кавказе.

Вспоминая о том, что во владениях Франции в Сенегале правительство короля платит местным жителям что-то вроде контрибуции, Гамба выражает надежду о том, что если бы такая система была принята по отношению к народам Кавказа и они заключили бы мир с Россией, то отказались бы от бандитизма и занялись сельским хозяйством и торговлей.

Гамба вынужден был выехать раньше намеченного времени и не смог лично попрощаться с семьей шамхала, послав им письмо. Каково же было его удивление, когда на расстоянии многих верст от Тарку около Анжиюрта их догнали юные сыновья шамхала в сопровождении гувернера и многочисленных всадников. Они привезли с собой еще провизии и проводили гостей до границы владений шамхала. Гамба признается, что был далек от того чтобы ожидать такое проявление внимания. Гостеприимство горцев приятно поразило его. С таким же радушием он был принят и в Анжиюрте, главой которого был брат гувернера молодых князей,

человек выдающегося телосложения, сразу же расположивший к себе автора. Как и в доме шамхала, их поселили в прекрасные апартаменты, изобилующие коврами, подушками и хлопчатобумажными покрывалами, что являлось роскошью на Востоке. Снова им оказывали всевозможные знаки внимания и щедро снабдили всевозможной провизией.

Следующим пунктом путешествия Гамба был Казинюрт, находящийся в тридцати верстах от Анжиюрта. Гамба отмечает, что земля здесь мало обработанная, впрочем, как почти по всей территории Дагестана. Он выражает сожаление о том, что если бы прекратилось постоянное состояние враждебности между народами Дагестана и их борьба с Россией, эта местность могла бы быть процветающей. Гамба совершает небольшой экскурс в историю, он вспоминает, что по той дороге, по которой он следовал, когда-то скифы преследовали самаритян, а также проезжал Петр Великий, когда ездил в Персию в 1722 году.

По пути их следования им встречается маленький аул Андрей. В нем была построена крепость, занятая русскими войсками. Большая часть населения – это евреи, выходцы из племени Гад, они искусные кузнецы и оружейные мастера.

Как и в случае с шамхалом, шефи, на землях которого они продвигались, послал им навстречу одного из своих родственников в сопровождении шести десятков татарских воинов. Гамба дает нам описание Казинюрта, который состоит из пятисот домов, насчитывает три тысячи душ и расположен на склоне горы, на левом берегу Сулака. Его население составляют кумыки, лезгины, чеченцы и другие горцы. Князя этого дома со времен приезда Петра Великого преданы России.

Недалеко от земель шефи находятся две красивые деревни, жители которых, как считается, выходцы из колонии братьев моравов. Речь, по-видимому, идет о джаро-белоканцах. Гамба впервые дает описание их быта и внутреннего самоуправления. Это очень активный, предприимчивый, работоспособный народ. «C'est dans les montagnes voisines des Etats du scheffy qu'on trouve deux beaux villages habités par un peuple actif, industrieux, sobre, laborieux, riche, indépendant et dont les moeurs et la religion n'ont aucun rapport avec ceux des autres nations dont il est environné» (p. 370). Они владеют разными ремеслами. Они хорошие полировщики, производят мебель, а также порох, которым они снабжают горцев Дагестана. Их производства рассматриваются как приносящие пользу для всего Кавказа. Кроме того, они занимаются сельским хозяйством и разводят скот.

Их самоуправление отличается от правления всех остальных народов Кавказа, принявших феодальный уклад как самый оптимальный для горцев, постоянно подвергающихся атакам извне и вынужденным защищаться. Оно, по мнению автора, больше похоже на монархию. Во главе их стоит князь, которого они почитают, но не платят ему налогов. Этот князь избираем, и ему дают клятву следовать за ним во время войны, но при условии, что эта война будет признана необходимой всему народу. В противном случае подданные князя не будут следовать за ним. Когда генерал Тицианов предложил жителям этих деревень переехать в одну из провинций за пределами Кавказа на территорию более обширную, то они отказались. «Ce peuple, riche et content au milieu de ces montagnes, ne voulut par courir la chance de parcourir son bonheur et son indépendance, en les échangeant contre une existence plus brillante peut-être mais dont rien ne pouvait lui garantir la solidité» (p. 372). В этих словах чувствуется восхищение французского консула гордыми, смелыми и свободными горцами.

По дороге из Казиярта до Кизляра путникам пришлось провести ночь в палатке в степи, где они встретили калмыков. Гамба снова встречает гостеприимство со стороны абсолютно незнакомых ему людей. Так, калмыки предложили самую большую из своих палаток, перенеся ее на самое сухое место поляны. Он дает подробное описание палатки, каркас которой состоит из деревянных реек и имеет форму улья. Вся палатка покрыта войлоком, который производят все народы этой местности, так как козлиная и овечья шерсть стоят недорого. Посреди палатки разводят костер, вверху оставляют отверстие. Человек внутри чувствует себя защищенным от холода и сырости. Такие палатки служат жилищем кочевым племенам уже целые века. Их очень удобно перевозить.

В путешествии до Кизляра их сопровождал молодой человек, родственник шефи, «Celui-ci avait un très belle figure et les manières prévenantes et affectueuses» (р. 376). Он подружился с сыном Гамба и, отдавая дань уважения французскому консулу, спросил его разрешения считать его сына своим братом и относился к Гамба с сыновьей почтительностью. Это характерно для горцев Кавказа, где уважение к старшим прививается с молоком матери.

Гамба считает, что дорога от Дербента до Кизляра является одной из главных дорог для торговли с Азией, следовательно, правительство России должно уделять большое внимание ее реконструкции и поддержанию.

Последним пунктом назначения путешествия Гамба является Кизляр. Прежде на этом месте находилась крепость Святого Креста. На ее месте императрица Анна приказала построить Кизляр. Во времена Гамба это была крепость, имеющая большой и хорошо вооруженный гарнизон. Несколько лет назад город был небезопасным. Горцы часто похищали жителей и возвращали их за большой выкуп. Улицы Кизляра широкие и прямые, дома имеют большие дворы и сады. Жителями Кизляра в основном являются армяне. Гамба отмечает роскошный вид некоторых общественных зданий, говорит о том, что в городе строят красивую церковь, а камни для строительства привозят издалека. Помимо торговли, армяне еще занимаются виноделием. Кроме того, они убедили ряд народов Кавказа сажать виноград в горах, они покупают у них вино. Как известно, мусульманам запрещено пить вино. Еще одним занятием армян Кизляра является разведение шелкопряда и выращивание риса.

Во время своего пребывания в Кизляре Гамба получает приглашение вдовы майора Тарумовой провести несколько дней на ее земле, которая носит название Тарумовка. Гамба с радостью принимает приглашение. Он восхищается этой довольно молодой женщиной, ее сильным характером. Ее жизнь полна опасностей. « Nous fûmes reçus de la manière la plus amiable par la veuve du major, femme douée d'assez de fermeté de caractère pour s'être décidée jeune encore à passer sa vie dans une immense terre sans cesse exposée aux incursions des montagnards, et où elle courait le risque d'être assassinée ou d'être emmenée captive dans le Caucase » (р. 384-385).

Интересно описание жизни и уклада жителей Тарумовки. Так, мы узнаем, что большую часть населения составляют женщины, что говорит о том, что мужчинам достается самая тяжелая работа. Смертность среди населения очень высока. Крестьяне разделяются на два класса: женатые занимаются земледелием, остальные зарабатывают на жизнь, как хотят, трудятся за умеренную уплату налога. Земледельцы могут обрабатывать столько земли, сколько захотят, но также должны платить умеренную плату налога. Мадам Тарумова имеет рыбный промысел,

приносящий ей небольшой доход. Наконец, эта «активная и умная женщина» (р. 386), как называет ее Гамба, построила мост через Терек и взимает плату за проезд по нему.

Гамба в своих записках демонстрирует в целом более высокий уровень осмысления жизни народов, живущих в Дагестане, чем его предшественник. Он проявляет большую наблюдательность, от его внимания не ускользает многое из того, что осталось незамеченным прежними посетителями Дагестана. В орбиту его внимания входит более широкий спектр проблем касающихся жизни дагестанцев, от образа жизни до вопросов их взаимоотношений с Россией.

Гамба более аналитичен по сравнению с теми, кто до него побывал в Дагестане. В нем чувствуется готовность не только удивляться, но и понимать чужое и даже чуждое, готовность признать, что можно жить и так, как живут эти люди. Он проявляет мудрость цивилизованного человека, понимающего, что привычный для него образ жизни и мыслей не может быть универсальным и приемлемым для всех народов мира. Гамба был сыном своего времени, когда во французской литературе на смену эпохе Просвещения с ее жесткой антитезой «цивилизация – варварство» шла эпоха романтизма с ее культом «местного колорита» и с пониманием национальной обусловленности жизни человека и целых народов, когда стала вполне допустимой мысль о том, что европейские представления о вещах могут оказаться весьма относительными.

И что самое важное – в этих записках делается попытка не то чтобы создать образ дагестанца, но определить основные параметры его ментальности, описать основные ее составляющие, такие, как свободолюбие, независимый нрав, гостеприимство, уважение к старшим. Тем самым он как бы закладывает основы для создания образа горца во французской литературе.

Bibliographie

- Gamba, 1826, *Voyage dans la Russie méridionale et particulièrement dans les provinces situées au delà du Caucase, fait depuis 1820 jusqu'en 1824*. Deuxième édition Paris
Казбекова З.Г., 1994, *Дагестан в европейской литературе*, Махачкала
<http://www.bibliotekar.ru/100zamkov/9.html>, consulté le 28 avril 2011
<http://dargo.ru/publ/28-1-0-551>, consulté le 28 avril 2011
http://www.golosasibiri.narod.ru/almanah/vyp_6/062_012_mad.html, consulté le 28 avril 2011
<http://ru.wikipedia.org/wiki/Шамхал>, consulté le 28 avril 2011
http://ru.wikipedia.org/wiki/Хусейн_ибн_Али, consulté le 28 avril 2011